

О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В статье излагаются основные результаты исследования механизмов генетической организации языка, которые позволяют объяснить различия в судьбах отдельных групп праславянских рефлексов, а также особенности их вхождения и взаимодействия в системе русского и церковнославянского литературных языков, диалектов и фольклора.

Проблема соотношения, функционирования и взаимодействия в истории русского языка восточнославянских и южнославянских по происхождению соотносительных рефлексов праславянского языка по-прежнему остается одной из актуальных. Как диагностирующие признаки церковнославянской (старославянской) и исконной языковых систем данные элементы – неперемный атрибут исследований механизмов становления и развития русского литературного языка, специфики его генетической основы, характеристики литературного двуязычия Древней Руси, описания памятников письменности. Обширная научная литература, в той или иной степени затрагивающая сосуществование и закрепление генетически неоднородных элементов различных групп рефлексов, и использование фактов их сложной судьбы для построения – нередко диаметрально противоположных – концепций происхождения русского литературного языка показывают не только важность их изучения на разных исторических этапах, но и необходимость корректировки их взаимодействия и учета всех аспектов одной из сложных и дискуссионных проблем русистики.

Многообразие имевшихся и сохранившихся в русском языке образований с результатами различной реализации праславянских рефлексов, сложность их усвоения и тысячелетнее совместное функционирование определили объект предлагаемого исследования – наиболее широко представленные в системе русского языка и однозначно трактуемые с генетической точки зрения фонетические явления: рефлексы *tj и *dj; полногласные и неполногласные сочетания (из рефлексов- *ol, *el, *or, *er), начальные ра-/ро- и ла-/ло- (из рефлексов *or, *ol).

Актуальность исследования обусловлена как выбором объекта исследования, так и действием разнообразных факторов, влияющих на взаимодействие, отбор и закрепление определенных по происхождению рефлексов в системе одного языка, что позволяет определить ре-

ципиентные свойства языковой системы и ее подсистем, раскрыть механизм складывания и развития литературного языка в процессе отбора коррелятов.

Цель данной статьи заключается в выявлении особенностей и механизмов освоения различных групп генетически неоднородных элементов в процессе эволюционного развития системы русского языка.

Предпринятый нами комплексный подход к выяснению причин использования одного из имеющихся в арсенале древнерусского языка гетерогенных средств, а в дальнейшем и жесткой его фиксации в определенной словоформе позволил выявить значительные различия в судьбе исследуемых групп рефлексов праславянских сочетаний и определить факторы их вхождения в систему русского литературного языка.

1. Степень фонетической адаптации сыграла решающую роль в способности южнославянского элемента занять соответствующую языковую нишу в нетрадиционных текстах и системе чужого языка. Именно фонетический фактор обусловил различия в судьбе полногласных/неполногласных сочетаний, с одной стороны, и рефлексами *tj, *dj – с другой. Сочетания, сходные с неполногласными, типа *трава*, были свойственны восточнославянскому языку, и неполногласные формы типа *градъ* сами по себе ничего не значили. В результате этого для неполногласных сочетаний не было необходимости проходить этап фонетической адаптации, что в дальнейшем приводит к дифференциации (семантической, стилистической, грамматической, акцентологической, орфографической) сосуществующих пар типа *град – город*.

Для южнославянских рефлексов *tj, *dj вхождение в систему древнерусского языка осложнялось отсутствием соответствующих согласных. Быстрой фонетической ассимиляции южнославянского рефлекса *tj способствовали общеславянские рефлексы *skj и *stj, активно употребляющиеся в письменности действительные при-

частия настоящего времени в южнославянском обличии и наличие сокращенного знака *ѣ*, который, по мнению ряда исследователей, определил отсутствие параллелизма между *š* и *h*d. Для рефлексов *dj такой путь оказывается изначально невозможным вследствие чужеродности южнославянских звуков, которые адаптировались с различной скоростью и разными результатами. В этом плане история групп рефлексов праславянских сочетаний – яркая иллюстрация механизмов эволюционных новшеств в языке.

2. В процессе исследования памятников письменности (более 7 тысяч источников различной жанровой, временной и территориальной принадлежности) были выявлены различия между взаимосвязанными системными образованиями (глагольные формы и отглагольные существительные), с одной стороны, и группой «отдельных слов», спрягаемых форм глаголов типа *хотѣти*, лексемами с полногласием / неполногласием, с другой стороны. Расхождения были обусловлены спецификой морфонологической позиции, где реализуются генетически неоднородные рефлекс праславянских сочетаний.

Рефлексы дифтонгических сочетаний с плавными фиксируются в пределах одной морфемы (чаще всего внутри корня), что обеспечивает независимость реализации генетически соотносительных элементов от морфонологической позиции и способствует однотипной огласовке всех родственных образований. Без сдерживающих и запретительных позиционных факторов реализуются также рефлексы *gt, *kt, *dj, *zgj, *zdj, а также *tj, *dj в образованиях типа *свѣѣча–свѣѣца*, *вожь–вождь*. Такая морфонологическая дублетность влечет формирование семантической корреляции слов.

Для взаимосвязанных системных образований подобное становится возможным только после прохождения своеобразного «позиционного фильтра», определяющего возможность/невозможность реализации определенного по происхождению рефлекса перед следующим за корнем морфом. Зависимость от морфонологической позиции особенно актуальна для гетерогенных рефлексов *dj. Если достаточно быстрая адаптация южнославянского по происхождению рефлекса *tj способствовала размежеванию сфер функционирования генетически соотносительных элементов, то низкая степень фонетической освоенности южнославянского рефлекса *dj в ряде случаев повлекла его замену исконным эк-

вивалентом даже в церковнославянских текстах. В результате этого возникло большое количество оппозиций типа *осуждати – осужати*, что способствовало становлению смешанного типа чередования <д'-ж'-ж'д'> наряду с исконной альтернативой <д'-ж'>. Естественно, что смешанный тип реализовался в образованиях, актуализировавшихся на русской почве благодаря текстам старославянского языка, тогда как аналогичные образования с рефлексом *tj закреплялись в южнославянском оформлении.

Важной позицией, влиявшей на выбор генетически неоднородных рефлексов *tj, *dj, была позиция перед суффиксами глагола *-а-* (<-*ja-) и *-ива-*. История взаимоотношений и продуктивности данных суффиксов стала, судя по нашим исследованиям, определяющей в судьбе рефлексов *tj, *dj, так как в результате действия механизмов отбора в современном русском литературном языке альтернант <ж> встречается в 3 раза чаще, а альтернант <ч> в 13 раз чаще перед суффиксом *-ива-*, чем перед суффиксом *-а-*. Суффикс *-ива-*, продолжая оставаться продуктивным средством производства имперфективов, способствовал приобретению восточнославянскими по происхождению типами чередования формо- и словообразовательной самостоятельности и высокой степени продуктивности.

В свою очередь имперфективы на *-ива-* создавали обширную базу для образования отглагольных существительных на *-живание* и *-чивание* по русской морфонологической модели, что еще больше усилило позиции исконных рефлексов *tj, dj в русском языке. Восточнославянская языковая стихия, до возникновения и активизации суффикса *-ива-* ограниченная рамками формо- и словообразовательных моделей общеславянского происхождения, имеющих на русской почве гетерогенное морфонологическое оформление, стала не только количественно, но и качественно преобладать над южнославянской.

Другой позицией, в которой отчетливо прослеживается предпочтительность определенных по происхождению рефлексов *dj, является позиция перед окончанием *-у* 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени. Наличие восточнославянского по происхождению рефлекса в исследованных нами памятниках XI-XVII вв. настолько значительно (более 93,6%), что следует констатировать не столько предпочтительность <ж>, сколько запрет на употребление <жд>, который подтверждается также данными памятников цер-

ковнославянского языка. В отличие от существительных, оформление которых изначально определялось их активизацией в старославянском языке, а в дальнейшем поддерживалось отсутствием значительной конкуренции со стороны исконных альтернантов, возникшей только в связи с усилением продуктивности существительных на *-ивание*, формы 1 лица ед. ч. с точки зрения функционирования были практически однозначны и в старославянском и в восточнославянском литературных языках. Однако «господствующая в речи» (А.А. Шахматов) данная форма в памятниках древнерусской письменности, где предпочитались формы 3 лица прошедших времен, фиксируется крайне редко (менее 5% исследуемых системных отглагольных образований с рефлексами *dj). Современная норма реализации рефлекса <ж> <*dj в 1 лице ед. ч. нарушает идентичность альтернации в цепи целого ряда соединенных при помощи формо- и словообразовательных связей однокоренных лексем, ср.: *освободить – освобождают, освобожденный, освобождение, но освобожу* и др. В этом проявляются различия в функционировании рефлексов *dj и *tj, традиционно рассматриваемых как явления одного порядка. Альтернант <щ>, в отличие от позиционно «ущербного» <жд>, прослеживается практически в той же синтагматическое цепочке, что и его восточнославянский эквивалент, ср.: *воплотить – воплощу, воплощать, воплощение и кипятить – кипячу, кипяченный, кипячение*.

Частотность формы 1 лица ед. ч. в соединении со сложной судьбой южнославянского по происхождению рефлекса *dj, в течение многих веков функционировавшего в составе генетически смешанного типа чередования, привели к феномену отсутствия ожидаемого в соответствии с реализуемой альтернацией рефлекса <жд>. Следствия оказались настолько значительными, что в современной науке существует несколько способов представления морфонологического чередования, где слабым звеном в цепи образований с продуктивным альтернантом <жд> является данная форма. Все это свидетельствует о том, что чередования с рефлексами *dj являются особым звеном, которое не подчиняется общим закономерностям морфонологической системы современного русского языка и характеризуется особыми отношениями системности.

3. С учетом фонетической и морфонологической адаптации рефлексов праславянских сочетаний *tj, *dj следует констатировать некор-

ректность перенесения на данную группу семантических и стилистических отношений наиболее популярных и хорошо изученных на всех этапах развития русского языка полногласных и неполногласных сочетаний. Особенно выбиваются из общей системы генетической соотнесенности рефлексы *dj, так как распределение написаний типа *одежда /ночь*, свойственное древнерусским литературным текстам, не соответствует ни старославянскому (*одежда/ночь*), ни разговорному восточнославянскому (*одежда /ночь*). Различия в судьбе двух крупных групп диагностирующих признаков – полногласных / неполногласных сочетаний, с одной стороны, и рефлексов *tj, *dj – с другой, в истории русского языка были существенны и определялись, на наш взгляд, прежде всего их местом в морфонологическом составе слова. Реализация рефлексов праславянских сочетаний *tj, *dj в корневой финали способствовала их вступлению в «отношения сосуществования» (Н.В. Крушевский) с другими морфемами, которые изначально были неодинаковыми для генетически неоднородных альтернантов. Позиционное размежевание альтернантов обусловило формо- и словообразовательную дифференцию соответствующих образований. В результате прохождения через «позиционный фильтр» количество оппозитивов, нуждавшихся в устранении, было незначительно. Ср.: *проглоченный и поглощенный, взмучивать и возмущать, досажать и досаждают* и под.

4. Важным фактором, определявшим механизмы отбора гетерогенных рефлексов, являлся текст. Анализ списков различной временной и территориальной принадлежности важнейших памятников церковнославянского, восточнославянского и старорусского языков позволил выявить ряд закономерностей реализации диагностируемых признаков.

Для памятников церковнославянского языка характерно стремление к гомогенности в реализации рефлексов праславянских сочетаний, например: *ако рѣша врази мои мнѣ и стрѣгоущен дню мою свѣщаша вкоупѣ. глше* (Киевская Псалтырь 1397 г., 95); и *ненавидѣшимъ его победоу ни привреждоу во истинѣ моеи* (Псалтырь 1649 г., 3в.) и под. Текстам древнерусской письменности также свойственна гомогенность (в большей степени памятникам деловой письменности и книжнославянского типа, в меньшей степени – текстам народно-литературного типа языка). При этом генетическая гомогенность церковнославянс-

ких текстов во многом определяется реализацией рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными и *tj в абсолютном большинстве случаев в южнославянском облиции. Генетически соотносительные элементы исключительны и мотивируются, как правило, экстралингвистическими причинами. Реципиентные свойства восточнославянских, а в дальнейшем и старорусских памятников, не обладающих традиционностью конфессиональных текстов, проявлялись в использовании практически всех соотносительных элементов. Будучи реализацией системы живых, способных к эволюции и адекватному отражению действительности языков, данные памятники отражали определенную степень гетерогенности. Разнообразие и высокая степень соотнесенности диагностирующих признаков в древнерусских текстах закономерно приводят к дифференциации гетерогенных элементов и выработке критериев их отбора и закрепления в русском языке. В частности, при большей или меньшей гетерогенности текста отчетливо проявляется тенденция к предпочтительности определенных по происхождению элементов или во всех группах, или в отдельных группах рефлексов.

В исследованных памятниках церковнославянского языка прослеживаются различия в судьбе рефлексов, ярко представляющих старославянскую традицию, и рефлексов *dj, реализация которых во многом соответствует картине их функционирования в памятниках древнерусского языка. Именно рефлекс *dj нарушают генетическую гармонию текста, например: *ви~~ж~~ь смиренне мое и ви~~ж~~ь врагы моя... с~~х~~раниши д~~ш~~но мою... да не посты~~ж~~ю с~~я~~ и др.*

Несколько иначе представлены исследуемые диагностирующие признаки в фольклорном тексте, где генетическая неоднородность является одним из важнейших принципов его художественной ткани. Об этом свидетельствуют факты нарушения генетической чистоты во всех исследуемых группах. Однако степень такого нарушения различна. Например, в сборнике Кириши Данилова в группе слов с начальным О-/Е- преобладают южнославянские элементы, а неполногласных форм в 5 раз меньше полногласных, причем круг их ограничен определенным списком (*благослови, праздник, власть, глас* и др.). В фольклорных текстах также возможна концентрация или восточнославянских, или южнославянских по происхождению элементов, характеризующая церковнославянские и

древнерусские рукописи. Но фольклорные тексты обладают высокой гетерогенной лояльностью по сравнению с жесткой стабильностью стремящихся к гомогенности канонических текстов и закономерно ограниченной гетерогенностью текстов русского литературного языка. В целом, можно говорить об особом, сложившемся в результате многовекового развития поэтической традиции приеме отбора и использования в былинах, исторических песнях и сказках генетически соотносительных средств – приеме генетического контраста. Варьирование морфонологического облика слова, видимо, связано и с заданностью стихотворного размера, и с характерным для эпоса вниманием к звучанию слова. Совмещение генетически неоднородных элементов может реализоваться также на уровне слова-трансплантата (*перстни зЛАченые; ели-пили, прохЛАжались; города, пРЕгоророда, крестом озРАжсет*), но чаще всего гетерогенность характеризует тесно связанные контексты: *молоды Аlesia Попович мЛАд Настиг калик во чистом поле. У Аlesia вежство neroЖДенное* и под.

5. Гомогенность и гетерогенность характеризуют и систему современного русского языка. Несмотря на сложившийся в науке миф о гомогенности систем народных говоров, на фоне значительного количества исконных элементов в русских народных говорах присутствует 10,26% исследуемых южнославянских по происхождению элементов, хотя в современном русском литературном языке их более 24%. Сопоставительный анализ параметров адаптации южнославянских по происхождению элементов в системе русских народных говоров и современного литературного языка свидетельствует о разной степени экспансии разных групп праславянских рефлексов. Самую значительную часть в диалектах представляют слова с неполногласием – 87,76% всех исследуемых форм в южнославянском облиции. Однако в современном литературном языке неполногласных форм в 2,5 раза больше, чем в диалектах. Важной особенностью диалектов является генетически неоднородная огласовка практически всех корневых морфов, тогда как в литературном языке возможно отсутствие не только соотносительных неполногласных, но и полногласных корней. Вторыми по численности реализации южнославянских элементов (8,48%) являются слова с рефлексами *dj, однако проницаемость для южнославянских по происхождению альтер-

нантов в отдельных диалектных системах в 4 раза ниже, чем для неполногласия. При этом, в отличие от почти стопроцентной гетерогенности корневых морфов с рефлексами праславянских сочетаний с плавными, реализация генетически неоднородных рефлексов *dj ограничена определенными корнями, однако в целом она выше, чем в литературном языке. Так, из 21 пары гетерогенно оформленных в русских народных говорах корней, образующих системные глагольные образования, в современном литературном языке в полную силу (исключая формы 1 л. ед. ч.) не могут реализоваться более половины, ср.: *огорожденье, пложденье, принуженный, нагряжать* и др. В целом ряде говоров в отличие от литературного языка отсутствуют рефлексы *tj, *dj в форме 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени в результате выравнивания основы за счет ликвидации альтернативности, при этом в некоторых говорах, например в донских, такие формы типичны (98,6% для глаголов с исходом на -г' и 91,2% на -д'-), а в других наблюдаются расхождения в наличии / отсутствии альтернативности у разных рефлексов.

При общей тенденции к гомогенности на уровне подсистем в диалектах и литературном языке по-разному соотносятся гетерогенные элементы: для диалектов характерна более высокая, чем в литературном языке, способность гетерогенного оформления корня: от полной соотнесенности полногласия / неполногласия до некоторых ограничений в гетерогенном оформлении корней с рефлексами *tj, *dj.

Широкая и разнообразная представленность гетерогенной структуры слова в диалектах объясняется не только проницаемостью и повышенной вариативностью их системы, но и ее большей консервативностью по сравнению с системой литературного языка. При этом функционирование южнославянских по происхождению элементов в говорах более органично, чем в литературном языке, что обусловлено самим процессом заимствования их своей, а не инославянской системы. Это снижает порог сопротивляемости южнославянским по происхождению рефлексам и усилению процессов адаптации, ведущих к гетерогенности огласовки корневых морфов, отмене позиционных запретов и закономерностей сочетаемости и как результат – к разнообразию трансплантатов типа *загорожденье, обворощаться*.

Общее направление трансплантации раскрывает действие механизмов адаптации и взаимодействия генетически соотносительных элементов, приведших к особой гетерогенности системы языка, его страт и уровней. При этом образований с исконными элементами в русском языке количественно больше, чем образований с южнославянскими по происхождению элементами, и – что, на наш взгляд, значительно важнее – они обладают более высоким словообразовательным, семантическим и стилистическим потенциалом, в результате чего южнославянские по происхождению рефлексы, обогатив возможности литературного языка, находятся на периферии его системы.

Список использованной литературы:

1. Бекасова Е.Н. О соотношении генетически неоднородных элементов в древнерусских памятниках XI в. // Проблемы славянской филологии: Материалы науч. конф. – Самара, 1996. – С. 45-50.
2. Бекасова Е.Н. Роль фонетического фактора в становлении типов чередований с рефлексами *tj, *dj // Тез. II Междунар. симпозиума МАПРЯЛ «Фонетика в системе языка», 19-22 ноября 1996 г. – М., 1996. – С. 22-23.
3. Бекасова Е.Н. Соотношение южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в памятниках церковнославянского языка // Вестн. ОГПИ. Филологические науки. Оренбург, 1996. – №4. – С. 16-41.
4. Бекасова Е.Н. О специфике организации средневековых текстов // Грамматические категории и единицы: Синтагматический аспект: Материалы Междунар. конф. – Владимир, 1997. – С. 29-31.
5. Бекасова Е.Н. Семантический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Семантика языковых единиц: Докл. VI Междунар. конф. – М., 1998. – С. 92-94.
6. Бекасова Е.Н. Генетический фон фольклорного текста // Язык. Система. Личность: Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 1999. – С. 229-235.
7. Бекасова Е.Н. Гетерогенность как свойство системы диалекта // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Междунар. конгресс исследователей рус. языка.: Тр. и материалы / МГУ. Филологический факультет, 18-21 марта 2004 г. – М., 2004. – С. 79-80.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернатив // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – С. 265-348.
9. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.
10. Шахматов А.А. Церковнославянские элементы в современном русском литературном языке // Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку. – М., 1952. – С. 245-267.